

Глава 17

УСТНАЯ ИСТОРИЯ

Развитие исторической науки в XX столетии привело к появлению целого ряда новых направлений, одним из которых стала устная история. Как современная технология сбора исторических источников и самостоятельное научное направление она сложилась после Второй мировой войны. Еще в 1938 г. профессор Колумбийского университета, специалист по истории Гражданской войны в США Аллан Невинс призвал своих коллег создать организацию для систематического сбора и записи устных рассказов и мемуаров «видных американцев». Весной 1948 г. по его инициативе был создан Кабинет устной истории для записи мемуаров людей, сыгравших значительную роль в жизни Америки. К 1971 г. сотрудники Кабинета собрали 2,5 тыс. записей бесед общим объемом почти в 350 тыс. страниц.

Заметим, что Невинс, первым введший в научный оборот термин «устная история», понимал под ней сбор и использование воспоминаний участников исторических событий. Однако впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им как различные виды устных свидетельств о прошлом, так и исследования, написанные на их основе. Популяризация нового направления в США в 1940–1950-е гг. была связана с деятельностью американского журналиста Джозефа Гулда. Появившись как узкое направление в рамках прежде всего архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом. Рождение в 1971 г. журнала “Oral History” («Устная история») и появление несколько позже общества с одноименным названием во главе с одним из пионеров устной истории в Великобритании Полом Томпсоном свидетельствовало о стремлении шире использовать новые методики в познании общества. Отражая своеобразный протест против «застывшей» академической истории, основанной на письменных источниках, устная история в 1970-е гг. получила широкое распространение в западной историографии, а с начала 1990-х гг. — и в российской. С 1997 г. на трех языках выпускает свой журнал “Words and Silences” («Слова и молчание») Международная устно-историческая ассоциация.

Рождение “oral history” следует рассматривать в контексте современных тенденций в социальных науках вообще. Ее появление было обусловлено рядом факторов: во-первых, актуализацией проблематики, связанной с «недавним» прошлым; во-вторых, развитием звукозаписывающей аппаратуры. Первый звукозаписывающий прибор (фонограф) был изобретен в 1877 г., а система записи на стальную проволоку – в самый канун XX столетия. К началу 1930-х гг. значительно усовершенствованный аппарат стал использоваться на радио, а через десятилетие появилась магнитофонная лента и бобинные магнитофоны. В начале 1960-х гг. были разработаны и кассетные магнитофоны. В-третьих, появление устной истории было обусловлено методологическими поисками в зарубежной историографии, находившейся под влиянием философии экзистенциализма, постмодернизма и традиций социальной истории. Нарастающее разочарование в глобальных историко-теоретических построениях («метарассказах») вызвало к жизни позитивную программу постмодерна, нацеленную на участие «интерпретирующего разума», на диалог с познаваемым субъектом. Устная история представлялась приверженцам этого направления одним из перспективных направлений исторической науки, позволявшим ей остаться «наукой о Человеке во времени».

Истоки устной истории

Устные источники давно служили важным способом передачи информации о прошлом. Передаваемые из поколения в поколение мифы и эпические сказания, легенды и предания предшествовали письменной истории, выступая самой ранней формой исторического сознания общества. Но и с появлением письменности устные источники оставались важными свидетельствами прошлого. В V в. до н. э. «отец истории» Геродот активно расспрашивал очевидцев греко-персидских войн, а Фукидид использовал устные источники при написании «Истории Пелопоннесской войны».

В начале VIII в. Беда Достопочтенный в предисловии к своей «Церковной истории народа англосаксов» полагался на устные предания, особенно доверяя сведениям жителей своей родной Нортумбрии. Это доверие к устным свидетельствам разделялось историками до XVIII в. включительно. Даже Вольтер, довольно скептически относившийся к «абсурдным мифам» далекого прошлого, для сво-

их трудов собирал не только документальные, но и устные свидетельства.

В XIX в. устные источники привлекали в большей степени литераторов, чем историков. Одним из приверженцев устной традиции был Вальтер Скотт, в 1802–1803 гг. вместе с Робертом Шортридом составивший сборник «Песни шотландской границы». Чарльз Диккенс намеренно сделал местом своих произведений знакомый по детским воспоминаниям Лондон. Во Франции Эмиль Золя собирал материалы для романа «Жерминаль», общаясь с шахтерами из Монса.

Постепенно устные источники берутся на вооружение учеными. Например, в трудах Маколея, особенно в «Истории Англии» (1845–1855 гг.), наряду с другими источниками используется и устная традиция. Другой пионер устной истории Жюль Мишле в своей «Истории Французской революции» (1847–1853 гг.) широко использовал устные источники для уравнивания официальных документов. Сибом Раунтри, развивая метод «наблюдения изнутри», в исследовании «Бедность» (1901 г.) опирался на прямые интервью, хотя и без цитирования. В более позднем труде «Безработица» (1911 г.) он уже использовал цитаты из записей интервьюеров. Беатриса Вебб в монографии «Кооперативное движение в Британии» (1891 г.) и позднее, работая с мужем Сиднеем Веббом над «Историей тред-юнионизма» (1894 г.), систематически собирала устные свидетельства. Именно они разработали метод периодических полевых исследований, арендуя в этих целях жилье в каком-либо провинциальном городке (Томпсон 2003: 40–57).

Со второй половины XIX в. ведущей тенденцией в рамках процесса профессионализации истории стала документальная традиция. Под девизом «Нет документов – нет истории» развитие научной критики источников, а затем утверждение позитивизма привели к установлению в историографии своеобразного «культу факта», опиравшегося на представления о безусловной достоверности письменного документа. Хотя методология проведения интервью была более или менее отработана, отсутствие звукозаписывающих устройств ставило вопрос о точности письменного текста интервью.

Однако ко второй половине XX в. зародились серьезные сомнения в абсолютизации документального метода. Например, анг-

лийский философ и историк Древней Британии Р. Дж. Коллингвуд в своей «Идее истории» (1946 г.) призвал к критическому анализу и сопоставлению различных источников для установления исторических фактов. Один из основателей школы «Анналов» Марк Блок, сочетавший архивные поиски с изучением формы полей, географических названий и фольклора, много беседовал с крестьянами французской глубинки.

Устная история: определение понятия

В настоящее время употребление термина «устная история» вызывает критику за неточность и двусмысленность. Так, Д. П. Урсу заявляет, что термин «устная история» нельзя признать удачным, поскольку сама грань между устной речью и записанным словом достаточно условна. В то же время исследователь признает, что «пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму» (Урсу 1989: 4–5).

Ряд зарубежных авторов – Д. Арон-Шнаппер (Франция), Д. Шварцштайн (Аргентина), М. Виланова (Испания) – считают более предпочтительными выражения «устные источники» или «история в устных источниках». Некоторые российские историки также предлагают использовать традиционное для отечественной науки понятие «устные источники» или, по крайней мере, сводят к его значению смысл понятия «устная история», расходясь в определениях последнего. Например, С. О. Шмидт под устной историей понимает записанные специалистами на магнитную пленку свидетельства участников и очевидцев событий с целью получения и сохранения исторической информации. Для А. Я. Гуревича устная история определяется как запись свидетельств «рядовых участников исторического процесса». Отдельные отечественные авторы подменяют термин «устная история» понятиями «устные свидетельства», «фоноисточники» или «устные исторические традиции». Все эти понятия вполне применимы, но не отражают специфики устной истории как определенного научного направления. Целесообразно использовать термин «устная история» в более точном смысле, подразумевая под этим особый вид исследований, с присутствием ему не только источниками, но также предметом и методами изучения. В первую очередь речь идет о качественном методе исследования, когда сообщение отдельной личности рассматривается как самобытная познавательная единица.

Важную роль в использовании устных источников играет вопрос их классификации. Обычно специалисты выделяют два пласта в содержащейся в устных источниках информации. Первый – архаичный, уходящий корнями в глубокое прошлое и представляющий собой живую историческую традицию как форму передачи социального опыта. Второй пласт – меморатный – представлен воспоминаниями очевидцев и участников событий недавнего прошлого. Разделяются устные источники и по жанру: воспоминания, устные рассказы, легенды, народные частушки, песни и другие. Своеобразную классификацию устных исторических источников предложил бельгийский историк и антрополог Ян Вансина, разделивший их на три группы: передаваемую из поколения в поколение устную традицию, показания очевидцев и слухи.

Этапы развития устной истории

Согласно периодизации, предложенной американским исследователем Д. Дунавэем, в развитии устной истории на Западе можно выделить несколько этапов. На первом, с 1950-х гг., американские исследователи прежде всего собирали материалы для создания биографий видных общественных и государственных деятелей. Во Франции члены департаментов исторических комитетов по изучению Второй мировой войны записывали сведения о руководителях движения Сопротивления, а в Мексике сотрудники фоноархивов Национального института антропологии собирали воспоминания руководителей Мексиканской революции.

Второй этап, начавшийся в конце 1960-х гг., отличали попытки создания альтернативной истории, то есть истории народов, не имевших письменности.

Переход от индивидуальных исследований к коллективным проектам в середине 1970-х гг. символизировал начало третьего этапа. В это время происходит институционализация устной истории: создаются Международная устно-историческая ассоциация и национальные ассоциации исследователей, собираются архивы устных источников, широко проводятся конференции и симпозиумы, издаются специальные журналы. Вопросы устной истории начинают рассматриваться на международных конгрессах историков, символизируя сближение позиций ее представителей со сторонниками традиционной историографии.

Наконец, в 1990-е гг. начался четвертый этап, связанный с появлением нового поколения историков, дальнейшим развитием

технических средств и расширением круга изучаемых проблем, включая историю различных политических режимов. Наиболее приоритетными становятся темы, близкие к антропологии: сюжеты повседневной жизни человека, феномен миграций, особенности этнической истории народов, взаимоотношение полов и возрастов.

Устная история в географическом измерении

Что касается географического распространения и региональных особенностей "oral history", особых успехов это направление достигло в США, где устные источники активно собирали и использовали многие научные центры. Важным рубежом в развитии устно-исторических методов стали исследования чикагских ученых 1920-х гг., которые использовали прямое интервьюирование, «наблюдение изнутри», документальные изыскания, картографию и статистику. В числе пионерных работ можно отметить книгу Харви Зорбо «Золотой Берег и трущобы» (1929 г.), исследования Клиффорда Шоу «Джекроллер: история малолетнего преступника из первых уст» (1930 г.) и «Братья по преступлению» (1938 г.). Хотя чикагская школа пала жертвой профессионализации в социологии, ее наследие не забыто. Оно до сих пор живет в трудах чикагского радиорепортера и специалиста по устной истории С. Теркела, превратившего свои беседы с простыми горожанами в серию книг, посвященных таким проблемам, как война, работа, надежды и мечты людей.

Другим «мостиком» в настоящее время стала американская антропология, представители которой взяли на вооружение автобиографический метод. В США действовали специальные программы по изучению отдельных предприятий и корпораций, науки и армии, искусства и спорта. Значительную роль играли региональные и локальные исследования, изучение расовых и национальных меньшинств. Хотя главный шаг в развитии устной истории был сделан в области политической истории, начиная с 1970-х гг. устно-исторический метод стал активно применяться для изучения жизни индейцев и афроамериканцев, а с 1980-х гг. распространился на историю женщин. То есть история Америки в устных свидетельствах на современном этапе превратилась в настоящую историю становления американской нации. На сегодняшний день в США действуют свыше тысячи университетских программ по изучению устной истории. В 1974 г. была создана Канадская устно-историческая ассоциация.

Другим крупнейшим центром устной истории является Западная Европа. Сначала европейская историческая наука критически относилась к устной традиции, но в последней четверти XX в. и она обратилась к устной истории. При этом здесь доминировали сюжеты, связанные с социальными катаклизмами и потрясениями – войнами и революциями. Самое мощное развитие европейское устно-историческое движение получило в Северной Европе. Так, в Финляндии первые архивы, предназначенные для хранения фольклорных материалов, собранных в ходе полевых исследований, были созданы уже в 1830-х гг.

Примеру финнов активно последовали в Швеции, где в 1870-х гг. студенты Упсальского университета создавали общества по изучению диалектов. Уже к 1890-м гг. эта работа приняла форму общенационального опроса-интервью. В 1914 г. при поддержке шведского парламента был создан Исследовательский институт диалектов и фольклора, который с 1935 г. регулярно использовал в полевых исследованиях звукозаписывающую аппаратуру. В 1950-х гг. по инициативе историка Эдварда Булля этнологические полевые исследования распространились на население городов и рабочих поселков Норвегии.

Шведский успех оказал несомненное влияние на развитие устной истории в Великобритании, где в 1973 г. было создано Устно-историческое общество. Импульс развитию устной истории в стране дал рост интереса к фольклору. Если его изучение в Англии (Центр по изучению диалектов в Лидсе и Центр английской культурной традиции и языка в Шеффилде) так и не смогло избавиться от налета дилетантства, то в Ирландии, Уэльсе и отчасти в Шотландии развитие фольклорных изысканий подкреплялось их связью с национальными движениями. Правительство Ирландии в 1935 г. учредило Ирландский фольклорный институт, который применял звукозаписывающие приборы. В Уэльсе главным центром стал Валлийский народный музей в Сент-Фэгансе, а в Шотландии – Школа шотландских исследований Эдинбургского университета, при которой с 1951 г. существует архив литературных материалов и данных по социальной проблематике. Возрождение устной истории в Британии во многом обусловлено послевоенными политическими переменами и прежде всего демонтажем империи.

Начиная с 1950-х гг. историки и антропологи во главе с Я. Вансиной, Дж. Фэйджем и Р. Оливером стали собирать устные мате-

риалы на местах. Однако самыми влиятельными новые тенденции оказались в социологии, которая занялась не только проблемой бедности, но и рабочей культурой и рабочим сообществом в целом. В ряде классических трудов («Семейная жизнь стариков» [1957 г.] П. Таунсенда, «Образование и рабочий класс» [1962 г.] Б. Джексона и Д. Марсдена) эффективно использовались воспоминания рабочих, а Р. Хоггарт в полубиографической работе «Польза грамотности» (1957 г.) сделал попытку интерпретировать формы мышления представителей рабочего класса в устной речи.

С появлением книги Эдварда Томпсона «Формирование английского рабочего класса» (1963 г.) эта тенденция получила воплощение в историческом исследовании. Слиянию истории и социологии способствовало создание в 1960-х гг. новых университетов с их междисциплинарными экспериментами и развитием социологии, уделявшей все больше внимания историческому аспекту социального анализа. Потенциал устной истории продемонстрировал успех книги Р. Блита «Акенфилд: портрет английской деревни» (1969 г.), основанной на магнитофонных записях рассказов сельских жителей. Из более поздних работ можно отметить книгу социолога Р. Мура «Шахтеры, проповедники и политика» (1973 г.). «Историческая мастерская» 1970-х гг., стартовавшая с изучения рабочего движения и социальной истории рабочего класса учеными, постепенно расширила сферу своего внимания до фундаментальных элементов сферы жизни общества. С 1990-х гг. устная история в Британии развивается на основе истории, социологии, социальной географии и культурологии. Она обладает мощной архивной базой (Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке), представлена документальными фильмами на телевидении, на ее основе строится преподавание истории в младших классах (Томпсон 2003: 67–72, 76–79, 81–84).

В других европейских странах использование устных источников долгое время оставалось ограниченным. Например, в Испании устная история возникла лишь по окончании долгого правления Франко, а ее первопроходцем стал английский историк Р. Фрейзер. С 1980-х гг. центрами устно-исторических исследований стали Мадрид и Барселона, где с 1989 г. издается журнал “Historia y fuente oral” под редакцией Медрес Вилановы. Во Франции, где имелся широкий интерес к истории войны и Сопротивления, рабо-

та в области устной истории не только поздно началась, но и велась непоследовательно. Изучение местного фольклора развернулось во Франции еще в начале XIX в., а систематическое изучение образа жизни крестьянства – в 1870-х гг. В 1937 г. в Париже был создан Музей народного искусства и народных традиций, но дальше дело не пошло. Интерес к устной истории в обществе вновь пробудила книга А. Прево – биографическое повествование о семейной жизни, работе и войне в сельской глубинке, недалеко от Шартра, основанное на магнитофонных записях. Экранизация этой книги, а затем показ по телевидению в 1971 г. документального фильма о коллаборационизме, снятого на основе ретроспективных интервью, существенно ускорили начало устно-исторической работы. Более заметно работа с населением развивалась в Бельгии, где существовали два центра научного влияния. Первый был связан с Ф. Жутаром и его междисциплинарной группой лингвистов, этнологов и историков в Экс-ан-Провансе, а второй представлен «реконструктивной» школой автобиографических исследований в области социологии, основоположником которой стал Д. Берто.

В Италии происхождение современной устной истории связано с сетью местных центров по изучению антифашистского партизанского движения в годы войны. Однако настоящая мода на устную историю возникла в 1970-е гг. Она стимулировала дальнейшие исследования: работы социолога Ф. Ферраротти о трущобах Рима и изучение С. Портелли культуры сталелитейщиков из Терни. Именно на основе этих работ в 1980-е гг. возник итальянский журнал “*Fonti orali*” под редакцией Л. Пассерини, в редколлегию которого входили признанный авторитет по автобиографиям периода холокоста П. Леви и самый читаемый из итальянских исследователей устной истории Н. Ревелли. Сбор документальных свидетельств о фашистской оккупации был главной целью и в Нидерландах, где устная история изучается с 1962 г. на базе тесного сотрудничества между специалистами по современной политической истории, Международным институтом социальной истории и Голландским радио.

В Германии «устная история» развивалась параллельно истории повседневности. Проекты посвящались прежде всего периоду национал-социализма и истории ГДР: в центр внимания исследователей был поставлен «жизненный опыт» современников. Поздний старт устно-исторического движения в Германии объясняется по-

следствиями нацизма, дискредитировавшего фольклорное движение. Тем не менее в 1980-х гг. под руководством Л. Нитхаммера в Эссенском университете был осуществлен большой проект по устной истории под названием «Биография и социальная культура в Рурской области. 1930–1960». Одновременно с ростом числа проектов по местной истории активизировалось сообщество социологов-биографов, которым под влиянием Г. Розенталь удалось выработать «герменевтический» метод анализа интервью.

В странах Восточной Европы магнитофонные записи устно-исторических источников почти не велись. Система народных автобиографических конкурсов в Польше являлась скорее исключением. Тем не менее исследования в рамках устной истории ведутся сегодня по всему миру. В этом ряду – общенациональная программа по устной истории, ведущаяся в Мексике с 1959 г. В 1990-х гг. в Мексике и Бразилии были созданы национальные устно-исторические ассоциации. В Австралии устно-историческая ассоциация, опирающаяся на сотрудничество специалистов по местной, социальной истории и антропологии коренных народов, действует с конца 1970-х гг. В Индии большая часть устно-исторической работы ведется силами ученых из Британии. В Китае сбор воспоминаний о революции, а позднее устных рассказов по истории заводов и деревень скоро прекратился. Только в 1980-е гг. американец У. Хинтон на китайских материалах создал шедевр устной истории «Шенфан: перманентная революция в китайской деревне» (1983 г.). Для Израиля после Второй мировой войны устные свидетельства стали частью борьбы за национальное и культурное выживание. Первым памятником этой борьбе стал архив музея Яд Вашем в Иерусалиме, а впоследствии данная деятельность приобрела интернациональный характер, став катализатором многочисленных проектов по всему миру типа создания Мемориального музея «Холокост» в Вашингтоне или масштабной программы Спилберга по видеозаписи свидетельств. В развитии африканской историографии в силу исторической специфики Черного континента устные источники всегда играли важную роль. Впрочем, новая школа, возникшая в постколониальную эпоху на базе более совершенных методов использования устной традиции, оказалась преимущественно англо-американской. По этой причине она довольно медленно поворачивалась к социальной тематике – к записи впечатлений простых африканцев. В Южной Африке устная история активно разра-

батывается с 1980-х гг., ориентируясь на сбор источников о жизни и репрессиях в условиях апартеида.

Российская устно-историческая традиция

Как научное понятие «устная история» является историографическим импортом из США, но оно прижилось и в нашей стране, где к устным источникам (былинам, песням и другим фольклорным произведениям) часто обращались многие историки и писатели, в частности В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов. В XIX в. интерес отечественных историков к данному виду источников постепенно угас. Первые серьезные шаги в деле организации записей устных свидетельств были сделаны только в начале XX столетия в связи с развитием краеведческого движения. Кроме того, устная история как метод сбора исторической информации использовался народниками (позднее – эсерами) при составлении земельных программ.

После Октября 1917 г. запись устных источников получила государственную поддержку: по инициативе В. И. Ленина был создан отдел граммофонной пропаганды, записывавший речи советских руководителей на грампластинки. В 1918 г. возник Институт живой речи, в котором профессор С. И. Бернштейн возглавил Кабинет изучения художественной речи. За десять лет работы фонетической лаборатории она не только записала более шестисот выступлений поэтов и писателей (А. Ахматовой, В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пильняка и др.), но и организовала ряд экспедиций для сбора рассказов северных сказительниц. В 1920-х гг. активно записывались воспоминания участников революционного движения. Кроме того, устные материалы широко использовались при составлении истории фабрик и заводов. В частности, история Московского инструментального завода с 1916 по 1920 г. была целиком написана на основе устных воспоминаний рабочих. Для верификации воспоминаний применялись методы перекрестного опроса рабочих и коллективной проверки достоверности полученной информации на общих собраниях.

С конца 1920-х гг., когда индивидуальные трактовки событий стали неприемлемыми, краеведческие общества оказались разгромлены, а многие их члены репрессированы. Был ликвидирован и Кабинет изучения художественной речи, а его коллекция распалась. Однако в 1932 г. по инициативе С. И. Бернштейна возник Центральный государственный архив звукозаписей, в котором бы-

ла собрана большая коллекция фонодокументов. К устным источникам иногда еще продолжали прибегать, но при этом их использовали лишь в качестве иллюстраций к общей схеме официальной историографии.

Практика сбора устных свидетельств возродилась лишь в годы Великой Отечественной войны. Сотрудники специальной Комиссии по истории войны выезжали на фронт, посещали госпитали, приглашали к себе участников войны, записывая их рассказы. Всего Комиссия собрала несколько десятков тысяч записей, около 4 тысяч из которых в настоящее время содержится в фонде Научного архива Института российской истории РАН. Однако после войны активный сбор устных источников прекратился: регулярно записывались лишь воспоминания видных деятелей государства и культуры. Тогда как запись иных устных свидетельств о прошлом оставалась делом отдельных энтузиастов.

Одним из таких энтузиастов устной истории был доцент филологического факультета МГУ В. Д. Дувакин, по чьей инициативе на кафедре научной информации факультета в 1967 г. была создана группа фонодокументации. Группа преследовала две цели: во-первых, сбор сведений о видных деятелях культуры первой половины XX в. (в частности, В. В. Маяковском), во-вторых, создание и изучение фонодокументов мемуарного характера как нового вида исторических источников. В 1980-е гг., после расформирования кафедры, коллекция записей попала в Научную библиотеку МГУ, где в 1991 г. был создан Отдел устной истории. В целом в 1960–1970-е гг. исследования в области устной истории были сведены к собиранию коллекций краеведческих музеев и публикации воспоминаний ветеранов войны, очевидцев событий военной поры и «передовиков производства» (Гусев 1964: 1994–239, 384–390; Гончарова 1979). Кроме того, со второй половины 1970-х гг. игумен Дамаскин (Орловский) с группой помощников начал интервьюирование тысяч свидетелей репрессий, которым подвергались лица духовного звания и миряне по всей России после революции (Игумен Дамаскин [Орловский] 1992–2002).

Оживление работы в области устной истории началось с середины 1980-х гг., когда возник Клуб устной истории Московского государственного историко-архивного института (сегодня Центр визуальной антропологии и устной истории РГГУ). Со второй половины 1980-х здесь велось исследование темы голода на Украине

начала 1930-х гг. Одновременно Центральный государственный архив звукозаписей начал создавать тематическую коллекцию воспоминаний участников Великой Отечественной войны, а Научно-исследовательский центр технической документации – коллекцию воспоминаний об освоении космоса. Устной истории российской науки была посвящена исследовательская программа, которая начала проводиться с 1989 г. в Институте истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН. Существенный вклад в развитие устной истории внесла работа общества «Мемориал» с архивом личных документов эпохи сталинизма и репрессий.

Можно констатировать, что в 1990-е гг. устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической науки в России. Более того, представители этого направления активно сотрудничают с архивистами и музейщиками, радио и телевидением. Центр устной истории РГГУ совместно с обществом «Мемориал» и Советом по краеведению Российской академии образования с 1999 г. проводят ежегодные всероссийские конкурсы исторических исследовательских работ старшеклассников, среди лауреатов которых немало работ с использованием устных источников – интервью, биографий и семейных преданий. В рамках конкурса в Пензе школьники с 2004 г. начали обходить членов еврейской общины – ветеранов войны и узников нацистских концлагерей и гетто – и записывать их воспоминания.

В 2001 г. на факультете истории Европейского университета в Санкт-Петербурге был создан Центр устной истории. Одним из первых шагов Центра по развитию междисциплинарных исследований в названной области стала проведенная в январе 2002 г. международная зимняя школа «Устная история: теория и практика». В ряду значимых проектов Центра – исследования «Блокада в судьбах и памяти ленинградцев» и «Блокада Ленинграда в коллективной и индивидуальной памяти жителей города» (Лоскутова 2006). Одним из итогов работы Центра стала хрестоматия по устной истории, дающая достаточно объемное представление об одном из динамично развивающихся исследовательских направлений (Она же 2003).

Были созданы биографические архивы в Петербурге и Москве, проводились публичные конкурсы историй жизни, а в Институте социологии РАН проведено исследование социальной мобильности россиян через изучение биографий трех поколений. Применение

метода выборочных глубинных интервью отдельных представителей типичных жизненных карьер способствовало изучению социологами жизненных стратегий молодого поколения. Историки из Твери к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне пополнили архивы новым комплексом устных рассказов о войне, записанных на территории Тверской, Смоленской и Московской областей (Лебедева, Строганова 2005: 78–97). Обширную программу по сбору народных рассказов о войне осуществили курганские историки. Устная история развивается также в ряде других научных центров: МСХА имени К. А. Тимирязева, Ставропольском государственном университете, Воронежском государственном университете, Петрозаводском госуниверситете и др.

Помимо истории сталинских репрессий и Отечественной войны, расширение интереса к устной истории существенно раздвинуло хронологические рамки современных исторических исследований и способствовало введению в широкий научный оборот устных свидетельств эпохи гражданской войны. Позднее к этим темам добавились женская история, история диссидентства и проблемы этнической идентичности. Следует, в частности, отметить проект Центра социологического образования ИС РАН «Женщины в мечте: устные истории», проводящийся в рамках более широкого проекта, посвященного сбору устных женских историй.

Слухи как исторический источник

В исторической науке существует немало проблем, все еще ожидающих своих исследователей. К явлениям, которым пока мало повезло с изучением, относятся слухи, долгое время считавшиеся источником, которому не место в исторических исследованиях. В то время как без обращения к слухам и их последствиям невозможно объяснить отдельные исторические явления и процессы. Хотя значительная часть слухов не имеет под собой реальной основы, они всегда порождены определенной ситуацией, фиксируют распространение тех или иных настроений в общественном сознании и, напротив, влияют на формирование общественного мнения. В содержании передаваемых слухов отражаются уровень образования и интеллекта, нравственные ценности и реальные обстоятельства, общественные ожидания и личные притязания. Слухи могут оказаться забытыми уже на следующий день, но могут и передаваться из поколения в поколение, превращаться в мифы, фиксироваться в письмах и мемуарах, доносах и донесениях.

Слухи рождаются в любой социальной среде и в любом обществе. Но особенно распространены они в авторитарных и «тоталитарных» государствах, лишаящих своих граждан права на открытый и свободный доступ к информации. Чем меньше у населения возможности доступа к достоверной информации, тем более широким является поле для возникновения разного рода фантазий и слухов. Их значение возрастает в нестабильные эпохи, атмосфера которых служит благоприятной почвой для возникновения разного рода страхов и опасений. В частности, можно отметить роль хлебной паники (слухов и страхов) в Февральской революции как одной из основных причин беспорядков. Особый интерес представляет анализ слухов, распространявшихся в советском обществе, в силу того, что советское государство полностью контролировало средства массовой информации. Не будет слишком большим преувеличением считать слухи своеобразным зеркалом общества. Поэтому в определенной степени можно согласиться с выводом о том, что вся «наша история – это во многом история слухов» (Кабанов 1997: 1–3). Несмотря на то, что слух, распространяясь, сильно деформируется («испорченный телефон»), в «тоталитарном» обществе ему особенно доверяют.

Иногда слух усиленно соперничает со средствами массовой информации. Впрочем, источником слуха могут быть и представитель социальной группы, и средство массовой информации. Некоторые слухи фиксируются авторами тайных рапортов, доносов, секретных сводок, корреспондентами газет, в мемуарах, дневниках и письмах, становясь частью письменного источника. В то же время создателями и распространителями слухов иногда являлись сами газеты и журналы. Дело в том, что слухи порождали массу вопросов, с которыми люди обращались в различные инстанции, включая газеты. Именно на основе подобных вопросов редакции и создавали рубрики типа «Ответы на письма читателей».

В целом слухи представляют собой своеобразную неофициальную, народную версию истории страны. Она, разумеется, полна искажений, но тем и интереснее, ибо позволяет узнать, как воспринимали события сами их участники, что они думали и чувствовали. Однако обращение к слухам как историческим источникам требует максимальной корректности. И это уже не говоря о крайней изменчивости (а зачастую и неуловимости) слухов, что затрудняет реконструкцию как «ментальной» картины, так и исторического полотна в целом.

Особенности сбора и интерпретации устных материалов

Сбор информации путем опросов, интервью, бесед или инициированных воспоминаний, записываемых на видео- и аудионосители, применяется историками чаще всего для того, чтобы восполнить отсутствие или недостаточную правдивость письменных источников. Сегодня устная история является междисциплинарной практикой, позволяющей извлекать информацию из устных источников. Устная история по своей сути является диалогом. Полнота ответа на вопросы интервьюера, являющиеся продуктом его знаний и исторического интереса, зависит от желания информанта рассказать и ощущения важности вопроса. И наоборот, ответ респондента позволяет интервьюеру не только четче сформулировать вопрос, но и сменить его, чтобы подойти к желаемому ответу с другой стороны. В основе наиболее информативных интервью лежат: правильно сформулированные вопросы, готовность интервьюера и информанта к интервью и те взаимоотношения, которые возникают между ними.

Методологические трудности, связанные с использованием воспоминаний в качестве исторических источников, известны многим исследователям, работающим в русле устной истории, однако в целом господствует убеждение, что эти рассказы способствуют установлению истины. То есть устная история позволяет, с одной стороны, исследовать определенные сферы, по которым отсутствуют иные источники, а с другой стороны, расширить возможности социокультурной обработки недавнего прошлого. Впрочем, энтузиазм в отношении возможностей устной истории постоянно соседствует с критикой существующих подходов к интерпретации воспоминаний и поиском новых методов их анализа.

Во-первых, речь идет о допущении в историческую науку множества субъективностей – от жизненного опыта разных людей до личных интерпретаций исследователя. Признание за каждым респондентом равных прав на свой взгляд, оценку и опыт ведет к отказу от построения единой картины прошлого. В результате длительной работы по формированию вопросника, поиску респондентов, проведению интервью с ними и сопоставлению множества высказываний возникает исследование, которое не претендует на обобщаемость, фактическую точность и статистическую репрезентативность своих данных.

Во-вторых, звучат сомнения относительно надежности сведений, полученных интервьюерами от людей в устной беседе. Сжимая годы жизни в часы рассказа о ней, рассказчик часто путает даты и названия, соединяет разные факты в одно событие и т. п. Надо учитывать и то, с чем мы имеем дело: с воспоминаниями очевидцев или историями «трансляторов» чужих воспоминаний.

В-третьих, возникают проблемы соотношения устной истории с историей «обычной». Можно говорить о «сопротивляемости интервью по отношению к упрощающим обобщениям». Жизненный опыт респондентов часто предстает совсем не таким гомогенным, каким его описывают профессиональные историки. Да и интерпретация ответов респондентов может быть расширена до масштабов «большой» истории лишь в той мере, в какой исследователю удастся путем анализа многочисленных интервью продемонстрировать регулярность тех или иных проявлений.

В-четвертых, мнения, высказанные интервьюируемыми, в большинстве случаев отражают их сегодняшний жизненный опыт, а не то, что было ценно для них в прошлом. Кроме неосмысленных воспоминаний о важных моментах своей жизни, нередки и скрытые интерпретации пережитого, относящиеся к прежним жизненным установкам. Подобные паттерны иногда довольно сложно связать с определенными контекстами былого опыта.

В-пятых, необходим учет ситуационного контекста интервью – сочетания ожиданий участников, социальной обстановки, интерактивной процедуры, цели встречи и т. п. Вполне обоснованы и опасения по поводу этических проблем, встающих перед устными историками. Ведь в ходе интервью может возникнуть ситуация, когда воспоминания слишком мучительны для интервьюируемого.

В-шестых, существует и проблема перевода устной речи в письменный текст. Ведь в тексте невозможно передать многие нюансы устной речи. Часто важно не только то, что сказано, но и то, как сказано: интонация, паузы, тембр голоса, темп и громкость речи. Все это трудно отразить без потерь при переводе интервью в письменную форму. Более того, транскрипт не может иметь самостоятельного значения для психологов, этнологов или лингвистов.

Следует учитывать и ту ответственность, которую берет на себя историк, интерпретирующий слова респондента. Нередко одно

и то же утверждение может обладать совершенно разными значениями в зависимости от интонации респондента. В аудиозаписи могут неясно звучать фамилии и географические названия. Восприятие затрудняют как повторы, так и неожиданные переходы с одного предмета на другой.

Современные архивы постепенно переходят к цифровым технологиям аудиозаписи, что позволяет сохранять «живой» текст документа. Но транскрипция значительно облегчает анализ полученных материалов. Понятие «транскрибирование» означает дословное воспроизведение аудиозаписи интервью в письменной форме, однако на практике после транскрибирования воспроизведенный текст приходится редактировать. Да и сама транскрипция (расстановка знаков препинания, разбивка текста на предложения и абзацы) является истолкованием мысли рассказчика.

Историк, начиная работу по сбору устных источников, формулирует для себя интересующую его проблему и определяет конкретные цели и задачи. Кроме того, он может иметь уже готовую гипотезу, которую хочет подтвердить или опровергнуть в ходе получения устной информации. Соответственно этому он подбирает респондентов. Если же речь идет о тотальном сборе устной информации (например, для архивов), опрашиваются люди из самых разных слоев. Респондентам предлагается рассказать о том, как в целом сложилась их жизнь. При этом любая записанная информация рассматривается как имеющая потенциальное значение для исследования всевозможных проблем гуманитарных и социальных наук.

Методика интервьюирования, вопросник, способ транскрибирования и, в конечном счете, интерпретация материалов в значительной степени зависят от исходных целей исследования, опирающегося на ту или иную академическую традицию. Устные источники – непростой материал для анализа. При анализе интервью необходимо обращать внимание на надежность рассказчика, достоверность темы рассказа, личную заинтересованность в интерпретации событий.

В частности, достоверность интервью может быть проверена при сопоставлении с другими рассказами на сходную тему, а также документальными свидетельствами. Среди методик анализа собранных устных свидетельств присутствуют контент-анализ, линг-

вистический анализ и дискурс-анализ, учитывающий особенности речевых оборотов и используемых фраз.

Можно констатировать, что в последнее время устная история, следуя теории социальной памяти, развита до комплексно аргументирующего исследовательского направления. Своим методическим инструментарием она пытается реконструировать коллективные следы и фрагменты памяти, оставленные определенными историческими событиями в сознании тех или иных действующих лиц. Другими словами, главная ценность устных источников заключается не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как они отражаются в общественном сознании. Поэтому устная история остро ставит проблему выявления содержащейся в источнике скрытой информации.

Устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, не передаваемую другим путем. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий. Прошлое живет в настоящем разными способами, поэтому суждения о событиях, которые сами по себе есть лишь изображения прошедшего, также могут быть видом действия. Устная история показывает, как меняется оценка людьми событийного ряда в зависимости от времени и общественной ситуации. Тем самым истории возвращается человеческое измерение.

Устные источники имеют особое значение при создании локальных и региональных исследований, в изучении вопросов традиционной культуры и быта народа, личной истории и социально-психологических вопросов. Использование устных источников позволяет исторической науке не только ставить и изучать новые проблемы, но и раздвигает ее исследовательские горизонты в целом. Поэтому перспективы развития устной истории определяются не ее противостоянием с традиционной историографией, а, напротив, их тесным сотрудничеством и взаимодействием при сохранении относительной самостоятельности. Устная история как научное направление делает возможным междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформулированными в тех или иных научных областях.

Для большинства направлений исторических исследований устная история означает определенное «смещение фокуса». Например, для специалиста по социальной истории перейти от политиков и бюрократов собственно к проблеме бедности. В некоторых отраслях устная история позволяет не только изменить угол зрения, но и открыть новые важные направления для исследования. Так, историки рабочего движения получают возможность изучать повседневную жизнь на производстве и ее воздействие на семью и общество.

Для историков интервью является не только ценным источником новых знаний о прошлом, но и открывает новые перспективы интерпретации известных событий. Интервью особенно обогащают социальную историю, давая представление о повседневной жизни, ментальности так называемых «простых людей», которое недоступно в «традиционных» источниках. При этом субъективность воспринимается исследователем из области устной истории как неотъемлемая часть и качество, именно из-за которого и проводятся беседы с очевидцами событий. Устные воспоминания «независимее» письменных, потому что когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать редактор, и цензор. Они ценны самой случайностью набора фактов и густотой подробностей. Благодаря сообщению, переданному устами свидетеля, историк получает возможность придать описанию истории более индивидуальный характер. Кроме того, значимость устных источников состоит в том, что они позволяют выделить и сопоставить два пласта исторического знания – обыденного и научного.

В исследовательском поле устной истории открывается особая роль исследователя, который изначально принимает решение о проведении интервью. В свою очередь, полученная информация во многом зависит от возникшего диалога и профессионализма ученого. Отбор носит целевой характер и проводится с учетом принципа информированности. Поэтому проблема репрезентативности требует качественной оценки структуры респондентов, их типичности и информированности. Также важен учет того, насколько широк спектр воспроизводимых ими мнений.

Кроме того, коммуникативные возможности устной истории открывают существенный потенциал интеграции науки и образования. Обладает устная история и мощным потенциалом гражданственности, символизируя собой встречу двух поколений. Устная

история интересна для нас как возможность выявить некую преемственность и механизм отождествления, самоидентификации как отдельного человека, так и коллектива. Это попытка сохранить личную и коллективную память, зафиксировать ценности уходящей культуры, красоту и богатство разговорного языка. Память о прошлом – это кропотливая историческая и культурная работа.

Рекомендуемая литература

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества / отв. ред. М. В. Лоскутова. М., 2006.

Томпсон П. 2003. *Устная история*. М.

Урсу Д. П. 1989. Методологические проблемы устной истории. *Источниковедение отечественной истории*, с. 3–32. М.

Фольклор Великой Отечественной войны: сб. науч. тр. / под ред. О. Е. Лебедевой и М. В. Строганова. Тверь, 2005.

Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.